

Жаль, что "Семен" не получил билет в Москву

**Прошлогодний лауреат
"Золотой маски"
главный режиссер театра
"Санкт-Петербург опера"
Юрий АЛЕКСАНДРОВ**
имеет шанс "примерить
маску" снова. В число
нынешних спектаклей-
претендентов экспертный
совет включил
"Семена Котко",
поставленного
Александровым
в Маринском театре.

— Юрий Исаакович, как вы расцениваете внимание "Маски" к своей персоне — как свидетельство общественного признания, признания коллег, специалистов?

— Прежде всего — как свидетельство того, что я на правильном пути. Для меня очень важно, чтобы мои постановки попадали в число лучших пяти-шести спектаклей России, и мне приятно, что это происходит уже в течение последних пяти лет. "Золотая маска" позволяет вывозить все мои работы. И "Рильке", и "Риголетто", и "Борис Годунов" Камерного театра были показаны в Москве. Для "Санкт-Петербург опера" это очень важно. И я могу себе представить, как это важно для провинциальных театров. "Золотая маска" — огромный стимул. В Москву вырваться труднее, чем в Америку. Нет денег, нет интереса друг к другу. "Золотая маска" — бесплатный билет в Москву. Мне очень хочется, чтобы москвичи увидели и "Семена". Жаль, что этого не произойдет. Жюри смотрело его в Маринском театре, как в прошлом году "Голландца" и "Парсифаля".

— Насколько фестиваль, на ваш взгляд, отражает театральную ситуацию России?

— То, что происходит в России, сразу оказывается на фестивале. "Золотая маска" — это отражение, которое всем нам важно увидеть, потому что в нем — существо происходящих в России процессов. И очень важно то, что тебя оценивают коллеги. Мои принципиальные спектакли ("Рильке", "Котко", последняя "Пиковая дама") — тоже попытка пробудить своих коллег. Сегодня оперный театр — средоточие битвы профессионалов с дилетантами. В оперу приходят из драмы, из кино — все кому не лень. Но это, кроме чувства сожаления, ничего не вызывает. Мне жаль этих людей, потому что они занимаются не своим делом.

— Вы думаете, что "Золотая маска", что называется, задает тон, определяет художественные критерии, критерии профессионализма?

— Возможно, но не только это. "Золотая маска" иногда героическими усилиями двигает театральный процесс, открывая новые имена, новые сценические площадки. Мне никогда не забыть, как пришлось приводить в порядок одну из московских церквей, где мы исполняли "Рильке"; никогда не забыть, как мы были счастливы, когда это заброшенное помещение

Фото И. ЧУЧКОВА

ожило: туда пришли люди, в нем зазвучала музыка. На "Золотой маске" был "открыт" зал и Молодежного театра, до того там никогда не звучала опера.

— "Семен Котко", на мой взгляд, одно из самых ярких театральных событий прошедшего десятилетия. Как возникла идея этой постановки?

— Идея принадлежала Валерию Гергиеву, хотя я все время стремился осуществить постановку этой оперы. В результате получилась замечательная вещь: мы с Гергиевым поняли друг друга. Я рад, что он с таким восторгом принял "Семена". Он многое знает, многое видел, и у него безошибочное чутье. Он не сделал ни одного замечания, хотя в спектакле много лихих вещей. Гергиев принял мою работу безоговорочно. Для меня это было важно. Этот спектакль — серьезный итог моей жизни, рубеж. Тут многое скрестилось.

Режиссер — профессия авторская. Я никогда не инсценирую. Меня волнует партитура. Я придумываю свой сюжет — будь то "Пиковая дама" или "Семен Котко". И, судя по всему, мои мысли совпали с мыслями людей, которые сидели в зале. Потому что в "Семене" — наша история: мы жили всеми этими глупостями, которые присутствуют в finale. Я доказал, что эта опера гениальна. Никто не верит в коммунистический рай, который предложен у Катаева и поддержан Прокофьевым в finale этой жуткой музыкой — музыкой идиотов. Но Прокофьев дальновиднее, чем может показаться. Он зашифровал в музыке то, с чем мы столкнулись гораздо позднее. Я попытался раскрыть этот шифр. Особенно приятно то, что все, кто писал о спектакле, писали и об опере Прокофьева, причем как опере гениальной. А до того никому не приходило в голову назвать ее таковой. Говорили о музыке — сцене нашествия и т.д. Я был свидетелем того, как музыканты, уважаемые мной люди, уходили с концертного исполнения "Котко", считая, что после сцены пожара больше нечего слушать, музыка кончилась.

На спектакле возникла совершенно другая ситуация: третий акт стал смысловой кульминацией спектакля. Опера может быть оценена, когда она поставлена.

— В ваших последних спектаклях присутствует наряду с философским подтекстом определенный социальный пафос. Такова ваша художественная позиция?

— Оперный театр, на мой взгляд, самый живой. Он откликается на все. Мне кажется, что и военная тема далеко не исчерпана. И об этом был "Рильке", и об этом "Семен Котко", и об этом сегодняшняя Чечня... Я не то чтобы откликаюсь. Меня никто не зовет, во мне это сидит, это просится наружу. Я был поражен, когда ставил "Котко", как молодежь — а в спектакле в основном занята молодежь — горячо принял эту тему. Актеры поняли, что это история не про кого-то, а про нас — все это могло быть с нашим дедом, отцом, так же страдали наши матери и бабушки. Многие из ребят выросли не только профессионально, но и гражданско. И я довolen всем, потому что они честно сработали. Потому спектакль и волнует зрителя.

Опера — живое искусство, мы имеем право относиться к ней с точки зрения нашего времени. Это мой ответ тому, кто говорит, что классику надо ставить классично. Авторский спектакль поставить намного труднее. Тот, кто не может этого делать, либо бездарь, либо усталый человек, либо ему нечего сказать. Недавно состоялась нашумевшая премьера "Пиковой дамы". Я даже недоволен, что большинство критиков дали положительный отзыв. Может быть, это результат моей 25-летней деятельности, потому что в городе уже поняли, что мои спектакли надо иначе воспринимать. "Пиковая дама" — качественный виток развития "Санкт-Петербург опера". Каждый выезд на "Золотую маску"

этого театра был связан не только с показом спектакля, но и с демонстрацией развития театра. В будущем году я планирую привезти на фестиваль "Пиковую даму" — и это будет важным итогом жизни коллектива, надеюсь, жюри это оценит.

— Ваше творчество "протекает" в двух пространствах: Мариинском театре и Камерном театре. Насколько такая ситуация плодотворна?

— Таких пространств гораздо больше. Мне важно менять не только площадки, но и страны. Я пять лет работал в Турции. Недавно поставил "Черевички" в Италии — спектакль прошел с большим успехом. Сейчас еду в Сеул ставить "Войну и мир". Веду важные для меня переговоры с Театром им. Доницетти в Бергамо. Это ведь определяет оценку, что кое-что значит, когда итальянцы приглашают ставить итальянские оперы. Как правило, русских режиссеров приглашают ставить оперы русские.

Перемены приносят мне новые идеи и творческие силы. Камерный театр занимает в моей жизни особое место. Я завоевал свободу, создав свой театр. Это моя кислотная подушка, мое жизненное пространство. Там я нашел себя, свой почерк и стиль. Именно после "Рильке" мог появиться в Мариинском театре, с его традициями большого стиля, такой "Семен Котко".

Беседу вела
Александра ДЕРБЕНЕВА

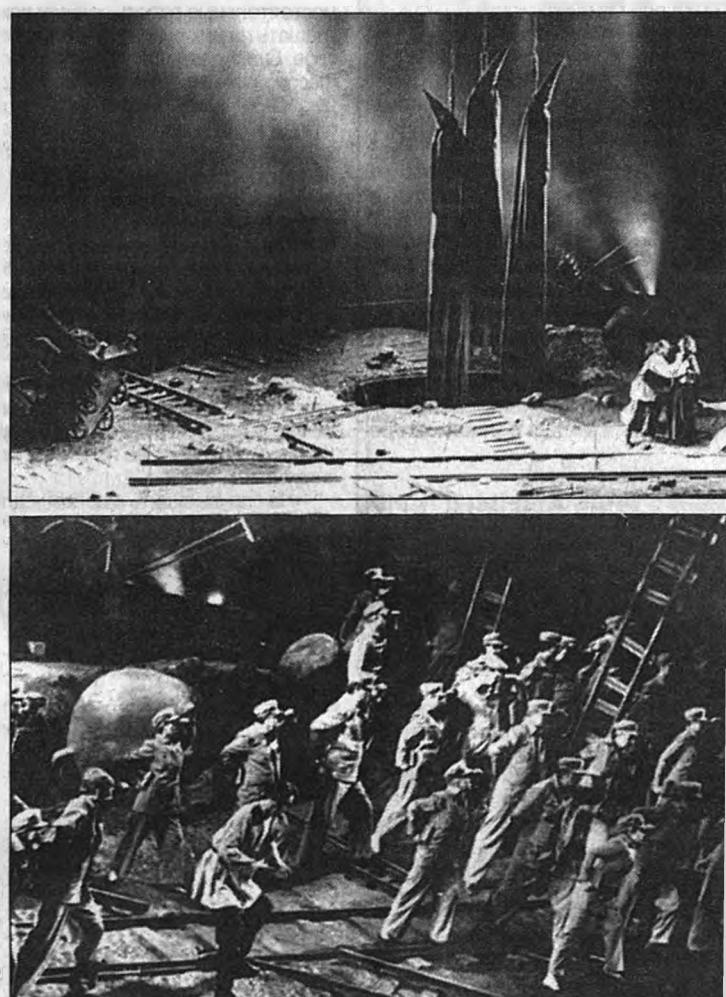

Фото И. РАЗИНЫ

Сцены из спектакля "Семен Котко"